

Марина Капранова

Открывающая путь



16+

Отвяжись, плохая жизнь

Марина Капранова
Открывающая путь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Капранова М.

Открывающая путь / М. Капранова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Отвяжись, плохая жизнь)

Арина и предположить не могла, что ей придется принимать непосредственное участие в судьбе своего соседа, лесника Андрея Ильича, отсидевшего срок за преднамеренное убийство. А тут еще это, неизвестно откуда взявшееся, странное состояние, которое периодически посещает девушку, когда невозможно отличить явь от сна. Когда сознание путается и с тобой ведет беседу то дикая волчица, то бог волков...

Капранова Марина
Открывающая путь

Арине не спится. Ночь. Полнолуние. За окном стоит декабрьский трескучий мороз, а в доме тепло, уютно и комфортно. Девушке не спится каждый раз, как только наступает полнолуние. Это происходит постоянно, и она, не находя данному явлению объяснения, приняла его как должное и решила использовать с пользой для себя. В последний период времени у нее возникла необходимость, нет, даже потребность записывать все, что происходит с ней. Арина начала вести подробный дневник. Перечитывая свои записи месяц или два спустя, ей многое не нравилось и хотелось исправить написанное ранее. Но она не делала этого, понимая, что в тот период времени она думала именно так и ее эмоциональный настрой был именно на том уровне, который позволил написать то, что она чувствовала в тот момент.

Неожиданно за окном послышался протяжный, холодящий и щемящий душу вой собаки. Арина, не раздумывая, быстро выскочила из теплой постели и на цыпочках по холодному полу подбежала к окну, охваченному морозным замысловатым кружевом. Фонари на улице отчего-то сегодня не горели, но яркая луна желтоватым светом освещала все вокруг, и видимость была на отличном уровне.

Арина присмотрелась: напротив ее дома стояла одинокая, со взъерошенной шерстью собака и, задрав голову кверху, самозабвенно и протяжно выла на полную луну. Арину удивило одно обстоятельство: на вой собаки не откликнулись чуткие животные с соседних дворов.

«Странно, – подумала девушка, – что это сегодня с собаками случилось? Обычно стоит одной шавке тявкнуть в конце улицы, как ей многоголосьем откликается вся свора псов, находящихся в зоне улавливания звука... Господи! – у девушки душа застыла ледяным комом в груди. – Да это же не собака, а волк. Откуда он здесь взялся? Да-а-а, теперь понятно, почему притихли домашние животные. Ни одна живая тварь не захочет выдавать своего присутствия, если рядом находится волк».

– Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая, – прошептала Арина; по телу пробежала нервная дрожь, она поежилась, быстро отстранилась от окна и поспешила вернуться в уютную постель. Взяла в руки дневник в красном бархатном переплете и быстро записала: «7 декабря 20... г. в селе Боровиково появился волк???»

Вчера спокойную размеренную жизнь села Боровиково тихим шепотом облетела ненавязчивая новость. Из мест не столь отдаленных вернулся бывший лесник Андрей Ильич, отец учителя физкультуры Игоря Андреевича и муж Веры Николаевны, местного фельдшера. В местах заключения мужчина провел три года – за непреднамеренное убийство молодой женщины Леры Черкашиной, к тому же беременной.

Семья фельдшера жила в двухквартирном доме, вот с ними-то по соседству, во второй половине двухквартирника, обитала Арина. Тонкие кирпичные перегородки, разделяющие две квартиры, хорошо пропускали звук, и долгими зимними вечерами, еще до возвращения лесника, девушка слышала, как Вера Николаевна беспрестанно воспитывала своего взрослого сына и в его адрес сыпались бесконечные упреки. Но, к удивлению Арины, со вчерашнего дня у соседей за стеной повисла тягостная тишина. О том, что соседи находятся дома, напоминала входная дверь. От ее глухого, резкого хлопка, когда кто-то покидал квартиру или, наоборот, входил, у Арины в комнате вздрагивала форточка, и девушка непроизвольно бросала взгляд в основательно замерзшее окно, но разглядеть кого-либо не могла.

Сегодня Арина неспешно, с удовольствием вдыхая морозный, свежий, бодрящий воздух, возвращалась с работы, и ей повстречался сосед Андрей Ильич. Встав на охотничьи широкие лыжи, он неторопливо, размеренным шагом шел в сторону леса. На лыжах мужчина держался уверенно, профессионально, скользил плавно, словно совсем не ощущал дороги и времени, проведенного без привычных лыжных тренировок.

Девушка с лесником встретились глазами всего на несколько секунд. Но Арина живо запечатлела в памяти его образ: немолодой, высокий, узкий в кости мужчина, с холодным, проникающим в самую душу взглядом, немного впалыми щеками и тонкими губами.

«Игорь Андреевич на мать похож, – отметила про себя Арина, вспомнив совсем не спортивную, рыхлую, мягкотелую фигуру физрука и его круглые щеки. – Не успел сосед приехать, скорее в лес направился, наверное, соскучился», – додумала девушка, входя в свою калитку.

Ох, как девушка была права в своих догадках! С того самого момента, как Андрея Ильича взяли под стражу, ему каждую ночь снился дорогой сердцу лес. Порой Андрею казалось, что он даже во сне чувствует терпкий запах подопрелого мха, еле уловимый вязкий запах сосновой коры и смолы и, конечно, свежего ветра, гуляющего между деревьями. Мужчина и представить себе не мог, что его так будет тяготить расставание с лесом. Три долгих года, разлука с родными местами оказалась сравнима для него с вечностью. В заключении, стоило ему оказаться на прогулке, на улице, Андрей мог стоять неподвижно, конечно, сколько позволяло время, и смотреть в бесконечную пустоту, воображая, что находится в родных местах. Он явно видел знакомые тропки, слышал, как потрескивают под ногами мелкие сучки и сосновые шишки, как щебечут птицы, мягко и уютно шелестит листва. В колонии за немногословность и отрешенность его прозвали Бирюком. Не смог он сойтись с сидельцами, но и с администрацией у него тоже не заладилось с самого начала. Терроризировали и старались подчинить его те и другие. Все было: били долго, мучительно и надсадно, выколачивая из него гордость, неприступность и способность не подчиняться, сажали в ШИЗО. Но Андрей вырос на бескрайних просторах Сибири, по духу был вольным человеком и не мог спокойно принимать давление и угнетение извне, дышать свободно он мог только в унисон с природой. Природа его наградила еще одним замечательным качеством: он на дух не переносил несправедливость. Поэтому никак не мог понять, почему так получилось, что все трое мужчин, приехавшие к нему в лесничество поохотиться, показали, что именно он убил молодую девушку. Он сам момент убийства абсолютно не помнил и узнал о смерти Леры, только тогда, когда его, спящего, растормошили гости. И еще одна загадка осталась не разгаданной: почему он в тот день, когда они должны были охотиться, даже не помнит, как вдруг уснул беспробудным сном.

Андрей по проторенной лыжне двигался спокойно и уверенно, но все же с непривычки от быстрой ходьбы не хватало дыхания; морозный воздух, казалось, проникал глубоко в легкие, колко леденя все внутренности, но сбавлять шаг не хотелось. Скорее! Скорее туда, где захватывает дух от первозданной чистоты леса, к природе, которая никогда не врет и не обидит, если ты живешь по ее законам. Он остановился только тогда, когда приблизился к своему охотничьему домику. Вокруг было пустынно. Кругом, куда доставал глаз, лежало девственное покрывало нетронутого снега, и только одинокая лыжня выдавала интерес человека к этому месту.

«Рома не бросает мой участок, – удовлетворенно подумал мужчина, оглядя дом по проторенной лыжне. – И приличную поленницу дров заготовил, хоть сейчас в лесничий домик заходи и живи. Но... потом, все потом, – его взгляд неожиданно наткнулся на полусгоревшую баньку, которую он когда-то построил заботливыми руками. – Мне Вера не писала, что баня сгорела. Не знала или просто не захотела расстраивать?»

Андрей Ильич долго не стал задерживаться на своем участке и ловко заскользил в сторону участка коллеги и близкого приятеля.

Роман Семенович, лихо коловший дрова возле своего дома, издалека узнал знакомый ход Андрея. Роман был уже в курсе, что мужчина вернулся из заключения, и был уверен, что тот сразу же его навестит. Потому что сам поступил бы точно так же на месте Андрея. Не приведи господи, конечно, оказаться на его месте. Роман Семенович, чтобы не привлечь неудачу, даже плюнул через левое плечо.

Мужчины без лишней сентиментальности открыто и горячо обменялись твердым рукопожатием.

Роман Семенович вдруг заволновался, исподлбья кинул быстрый, оценивающий взгляд на Андрея, стараясь быстро найти и определить изменения, произошедшие с другом за три года, и про себя отметил:

«Молодец, не сломался, все тот же упрямый и непоколебимый, ровный, открытый взгляд и твердые складочки в уголках губ», – а вслух степенно добавил:

– Я знал, что ты первым делом на свой участок отправишься. Пойдем чайку отведаем да побеседуем.

Андрей наметанным взглядом заметил знакомые лыжи, приставленные к стене дома и заботливо очищенные от снега, сообразил, что Роман недавно откуда-то вернулся.

Степенно пили чай с душистым медом. Роман не приставал с разговорами, не лез в душу с расспросами, понимал, что три года, проведенные в изоляции от нормальной жизни, – срок немаленький.

– Медком Витя угостил? – степенно спросил Андрей, поддевая приличную ложку лечебного нектара, и прежде чем отправить ложку в рот, втянул носом еле уловимый, тонкий, такой знакомый запах луговых трав.

– Да, Витя, балует, – довольно, еле заметно улыбнувшись, ответил Роман, исподлбья наблюдая за действиями Андрея.

– Как дела на моем участке? Вижу, банька сгорела? – неспешно, с нескрываемым сожалением, поинтересовался Андрей Ильич. Баньку ему искренне было жаль.

– Да, Федька Туркин тут лесником пробовал себя показать, – пояснил Роман. – Да, как видишь, неудачно. Пьянки, гулянки устраивал на участке. Ну вот и получилось, что получилось, – скороговоркой ответил Роман Семенович. – Хорошо хоть сам жив остался да лес не спалил. Начальство быстро его с этой должности турнуло. Вот такие, брат, дела. А как сам? Собираешься возвращаться? А то мне за двумя участками тяжелоат приглядывать.

– Завтра в Управу добегу, – пояснил Андрей, отхлебывая душистый травяной чай, заваренный на брусничных листьях с мятой. – Если не откажут, то, конечно, вернусь.

– А у них, брат, выбора нет. Я начальство предупредил, что последний месяц за твоим участком присматриваю. Им все равно надо кандидатуру подыскивать. А желающие что-то в очередь не выстроились. Так что давай, не затягивай с визитом, – почесав затылок, Роман открыто посмотрел на друга и решился спросить. – А что, не хочешь узнать, как твои враги поживают? Я ведь всегда чувствовал, что в твоём деле что-то не так. Но они так уверенно все трое показали на тебя. Судя, конечно, понимаю – неопровержимые доказательства и все такое. А на самом деле-то что произошло?

– Да какие они мне враги, так, трусливые шавки, – немного подумав, ответил Андрей Ильич. – Напились они тогда здорово. А ты же знаешь, я совсем не пью. Вот только странным оказалось, что я крепко уснул незаметно для себя. Вообще у меня очень чуткий сон, а тут словно мертвый: вообще ничего не слышал и не видел. Очнулся только тогда, когда меня следователь растормошил. Башка страшно трещит, в ушах шумит, то ли траванулся чем?..

И, подумав немного, все-таки спросил:

– Ну и как они, от угрызений совести не сдохли?

Роман хмыкнул и про себя отметил:

«Есть силы шутить, значит, сумеет сердцем и душой оттаять, не совсем зачерствел. Природа людей не из таких передраг вытаскивала», – и ответил:

– Куда там? Григорий Сурков себе новый дом отгрохал, прямо-таки хоромы. Сын его, Ленка, в Новообске по-прежнему какую-то турфирму возглавляет. Ну а Славка, брат Григория, вахтенным методом по-прежнему работает. Два месяца на вахте, месяц дома. Вот, к ново-

годним праздникам должен вернуться, – ответил Роман, незаметно стараясь лучше разглядеть давнишнего друга. Все-таки что-то в нем изменилось, вот только что – пока не уловить.

Андрей выслушал коллегу безразлично, не проявив абсолютно никаких эмоций. Его тревожил другой вопрос, и он, решившись, задал его:

– Как Злата? Жива?

– А я все ждал, когда спросишь, – обрадовался Роман, что мужчина не забыл свою подопечную. – Жива, по следам вижу – периодически к твоему участку приходит. Ко мне несколько раз заглядывала. Ждет твоего возвращения, – и, немного помолчав, добавил: – Вот ведь, дикое животное, а нутром чувствует, что ты жив и должен вернуться. Что это: звериное обостренное безошибочное чутье или животный пещерный инстинкт?

– Да, – поддержал друга Андрей Ильич, – человеку иной раз именно такого чутья и не хватает. Обладай им, многие не стали бы со всякой швалью водиться, от которой одни проблемы да головные боли.

Роман Семенович промолчал, ему вдруг стало понятно, сколько невысказанной боли скопилось в душе друга.

– Ну, ладно, Рома, – мужчина высказался и словно повеселел, приободрился, – бывай. Надо до темноты домой вернуться, – бросил Андрей, степенно поднимаясь из-за стола. – За чай спасибо, давно такого не пил. Он меня одновременно и взбодрил, и успокоил.

В лесу сумерки наступают намного раньше, чем в селе. За кронами деревьев уже не видно зимнего солнца, только косматые снежные облака вот-вот привычно лопнут и выбросят очередную порцию пушистого, воздушного снега на лес. Андрей уверенно скользил по проторенной им же лыжне, приближаясь к кромке леса. Неожиданно он каждой клеточкой кожи и горячим от напряжения затылком почувствовал обжигающий спину взгляд. Мужчина остановился и неспешно оглянулся. На опушке леса стояла волчица и неподвижным, пронизывающим до самого спинного мозга взглядом буравила лесника.

«Златушка, жива, – обрадовался встрече лесник. – И я вроде жив. Я тебя часто вспоминал. Ты, конечно, не сам смысл моей израненной жизни, но благодаря тебе жизнь обретала особый смысл. Спасибо тебе за память, зверина», – мужчина мысленно поблагодарил волчицу, лихо поправил шапку на затылке и уверенно заскользил в село.

– Арина, ты дома? – Нюра зашла в кухню, громко топая сапогами.

– Дома, – откликнулась девушка, выходя с книгой в руке из комнаты, где сидела в уютном кресле, читая очередной исторический роман. – Ой, Нюра, ты прямо как Снегурочка, вся в снегу.

– А ты в окно на улицу-то выгляни, там по-настоящему новогодний снег идет, – отозвалась подруга, стряхивая с плеч частые снежинки.

– Что толку выглядывать? За окном темно, все равно ничего не видно. Вот фонари загорятся, тогда и погляжу.

Нюра быстро разделась, привычными, уверенными движениями пристроила теплую куртку на вешалке и следом за подругой прошла в зал.

– Я что пришла-то. Хотела попросить тебя завтра прогнать вечером с моим классом новогодний сценарий. Понимаю, что у тебя тоже выходной, – и Нюра жалобно, совсем по-детски скривила губки. – Но Костик в Новообск собрался ехать, вот я и хотела с ним прицепиться. Надо ребятишкам к празднику подарки купить, да решились нынче искусственную елку для дома прикупить. Она как-то, что ли, посolidнее настоящей смотрится. А тут и Лариса Петровна просила новую гирлянду на школьную елку приобрести.

– Слушай, Нюра, а чем ей гирлянда в нашем магазине не понравилась? Я думаю, она там – то, что надо: длинная – метров восемь, по-моему, будет, и лампочки крупные. Одной мало, две возьмите.

– Да всем нравится. Для дома такая гирлянда самое то, – откликнулась Нюра, удобнее усаживаясь на диване. – Но дело в том, что в магазине сертификата качества на нее нет. А без сертификата никак нельзя. Над нами же столько проверяющих, что боже мой.

– Ну, может, это и правильно, – подумав, отозвалась Арина. – Это же электроприбор, а если замкнет, а у нас дети... Ой, представить страшно. А репетицию, конечно, проведу, только сценарий скажешь, где взять.

В соседской ограде на улице радостно заскулил пес Оболтус, оживленно взвизгивая и подскакивая, отчего его цепь звонко громыхала о какую-то железяку. Девушки, не сговариваясь, поднялись с места и подошли к окну. Подругам сразу стала понятно счастье пса. Вернулся хозяин. Он снял широкие лыжи и заботливо очищал их от снега. На улице загорелись фонари, снежинки, вальсируя, пушистым покрывалом ложились на землю. Арина, полюбовавшись снегопадом, вернулась на место и поинтересовалась:

– Нюра, а что за человек Андрей Ильич? Все-таки сосед, хотелось бы знать о нем больше. Он мне таким суровым и угрюмым показался.

– Возможно, выглядит он и угрюмым человеком. Но если узнать его лучше, то станет понятно, что Андрей Ильич в душе добрый и даже сентиментальный человек. Когда он работал лесником и жил в лесничем домике, у него всегда там былолюдно, охотники постоянно толпились. Мой свекор, Виктор Александрович, хоть и не заядлый охотник, он больше пасечник, но и он с ним на охоту не раз ходил, – пояснила Нюра.

– А почему ты решила, что он сентиментальный человек? – оживилась Арина, предвкусывая услышать что-то особенное.

Нюра немного подумала, размышляя, с чего начать рассказ, и ответила:

– Знаешь, у Романа Семеновича, Андрея Ильича и Виктора Александровича завязалась настоящая дружба еще в юности. С годами она стала крепче. Мужчины всегда могли рассчитывать на поддержку друг друга, хотя по характеру они такие разные. Но никогда друг друга не осуждали, стараясь найти оправдание любым поступкам. Мой свекор как-то рассказывал. Однажды охотники на участке Андрея Ильича подстрелили волчицу. А на другой день Андрей нашел в норе скулившего от голода маленького волчонка, девочку. Он забрал ее к себе, понимая, что в природе она одна, без матери, просто погибнет. Ухаживал за ней, выкармливал из бутылочки. И ведь вырастил. Назвал ласково Златой. Она неотступно всегда следовала за ним. Пока была маленькая – жила в его избушке, спала у печи на коврикe. Но как только подросла, Андрей Ильич решил, что она должна вернуться в природу. Вывел ее в лес и оставил одну. Злата, конечно, вернулась, несколько дней и ночей выла у него под дверью, но мужчина ее в жилище больше не пустил. Она вначале сильно обиделась, расценила, видно, поступок мужчины как предательство, но потом смирилась. Ушла в лес и не появлялась какое-то время. А потом Андрей заметил: стоило ему только углубиться в лес, она на расстоянии всегда неотступно следовала за ним, словно охраняя его. Иногда мужчина уходил в село, так она ночью приходила и выла под его окнами, словно заставляя вернуться назад.

Арина восторженно вспомнив прошедшую ночь, и поежилась, словно заново пережив ночное волнение.

– Слушай, Нюра, ты права, вчера волчица под окнами так выла, что у меня даже мурашки по телу побежали. Но Андрей Ильич даже не вышел.

– А, кстати, вчера вечером за ним машина приезжала, по-моему, он в район уезжал. Я сама видела. А сегодня утром та же машина его привезла, скорее всего, поэтому он и не слы-

шал, как его Злата вызывала, а то бы обязательно вышел. Ну, а ночью был снегопад, вот следы все и замело, поэтому Андрей Ильич ничего и не заметил.

Нюра поспешно поднялась с дивана и заторопилась:

– Ой, Арина, мне пора, побегу я домой. И так что-то задержалась. Новогодний сценарий возьмешь у меня в кабинете на столе.

Стоило только подруге уйти, Арина быстро взяла свой дневник и записала все, что услышала от Нюры, не забыв описать свои внутренние ощущения от услышанной истории.

Андрей вернулся домой, когда землю накрыли сумерки и на улице загорелись фонари. Липкий снег затруднял продвижение на лыжах, но это не останавливало мужчину. Большой радости от того, что он оказался дома, Андрей не испытывал. Подойдя к своей ограде, он увидел покосившуюся лавочку и вспомнил Петю Кованого, который, по его словам, был большим мастером по ковке железа. Они сидели в одной камере, только Петя там очутился на месяц раньше. Маленький, худощавый, кареглазый, темноволосый, он больше напоминал взъерошенного, нахохлившегося подростка. Посадили его за убийство по неосторожности сожительницы Галины. В сарае, который служил Пете еще и мастерской, где он занимался ковкой железа, в горячей ссоре оттолкнул он женщину от себя. Галина отлетела к стене, к которой были при-слонены железные штыри. Один из таких штырей пронзил ее насквозь, женщину спасти не удалось. Когда в камере оказался Андрей, Петю нещадно били, издевались над ним, уничтожая физически и морально. Мужчина не мог вытерпеть это безобразие и заступился за Петра – тот совсем не умел постоять за себя. Правда, Андрею тоже пришлось несладко: он получал тумаки за двоих. Позже выяснилось, что мужчины почти земляки. Правда, Петр проживал в Алтайском крае, в районе, который граничил с Орловским районом. Петр в благодарность за то, что Андрей взял над ним опеку, как-то предложил:

– Ильич, давай так: я, как только освобожусь, приеду к тебе и такие кованые изделия тебе сделаю, все село завидовать будет.

– Какие изделия? – не сразу сообразил Андрей Ильич, о чем идет речь.

– А какие захочешь. Могу железный забор ажурный выковать, словно пуховая оренбургская шаль смотреться будет. Могу скамейку любого формата выполнить. Да что пожелаешь, что душа твоя затребует.

Позднее, находясь на зоне, Петя не одному вышестоящему начальнику дачу украсил коваными изделиями. За свой талант и умение работать с железом Петя получил прозвище Кованый, и жить в камере ему стало легче. За каждый синяк на его теле смотрящий лично должен был отвечать перед начальником тюрьмы – видно, специалист Петя в своем деле был высококвалифицированный.

Андрей Ильич тяжело вздохнул и подумал: «Где сейчас Петя? Он на месяц раньше меня освободился, собирался домой вернуться. Там у него мать больная осталась».

Мужчина хозяйским взглядом окинул ограду. Снег не чищен, возле сарая хлам небрежный под зиму остался, мысли его потекли нервно: «Игорь совсем не приспособлен к деревенской жизни. Не в него он характером удался. И профессию бабскую выбрал: педагог, едрит твою налево. Хотя для других мужиков как-то подходит преподавательская деятельность и профессия учителя для них совсем не бабская, но только не для Игоря. Сыну эта профессия придает больше мягкотелости, что ли... и вдруг Андрей осек сам себя: – И что я к сыну привязался? Им тут одним с матерью без меня несладко было».

Андрей тяжело вздохнул. Ему вдруг вспомнилось, как они с Верой ждали первенца. Все мужчины хотят наследника. А ему почему-то очень хотелось, чтобы родилась девочка. Родился Игорь. Андрей был рад сыну, раз Бог так решил, пусть растет сын. Глядишь, по стопам отца пойдет. Но Игорь рос болезненным ребенком, жена постоянно тряслась над ним, холила, лелеяла, освобождала от работы по хозяйству. Вот и вырос сын с никудышным, мягким, совсем не

мужским характером. До сих пор все старается за спину матери спрятаться. Ну а больше детей Бог не дал, хотя Андрей мечтал о большой и дружной семье...

Поздно вечером Арина проснулась от волчьего воя за окном. Она потихоньку встала и подошла к окну. Свет от фонарей освещал пустынную улицу и одиноко стоящую под редким снегом волчицу, которая выла, направив морду в сторону соседних окон. У соседей глухо стукнула дверь, на улицу вышел Андрей Ильич и громко попросил:

– Злата, возвращайся в лес. Возвращайся, кому говорю.

Но волчица, поджав хвост, стояла на месте, правда, выть перестала и, наклонив голову набок, внимательно слушала мужчину.

– Злата, я сказал – домой. Иди, моя дорогая. Я скоро приду.

Волчица, словно поняв, о чем говорит Андрей Ильич, развернулась и потрусила нетопливо прочь. Мужчина постоял немного в ограде, вышел за калитку и пошел вдоль улицы за волчицей. Арина постояла еще какое-то время у окна и вернулась в постель.

Утром Арину потревожил переполох в соседской половине. Люди там суетились, в их квартире куда-то словно исчезла, провалилась тишина. И девушке на миг показалось, что в дом вернулся обывательский быт со своими спорами, руганью, смехом, понуканием и похвалой. Но что-то было во всем этом тревожное, словно еще издали слышался звук приближающейся снежной лавины, которая неизбежно подкатывала, и с каждой секундой ее шум был ближе, и вот-вот она тебя подомнет и накроет с головой.

Громкий стук в дверь заставил Арину вздрогнуть. Она подскочила с постели, накинув халат, выскочила в сени.

– Кто там?

За дверью послышался знакомый голос, который не предвещал ничего хорошего:

– Арина Владимировна, откройте, пожалуйста.

В дом вошли мужчины: следователь Антон Сергеевич и участковый Павел Юрьевич.

– К Новому году готовитесь? – живо поинтересовался Антон Сергеевич, вытирая ноги о коврик у порога и проходя на середину кухни, к столу.

Арина не поняла, на что следователь намекает, и озабоченно ответила:

– Да. В школе новогодний сценарий прогоняем.

– Я не о школе. Я о вас лично. Во дворе, смотрю, у вас возле крыльца сосенка пушистая стоит.

– Да? – искренне удивилась девушка, – Ну, тогда это, наверное, Миша позаботился. Я еще сама не видела.

– Понятно. Тогда, может быть, вчера вечером соседа видели? Уходил он куда-нибудь или, может, его кто навестил?

– Видела, – спокойно ответила Арина и рассказала все, что смогла рассмотреть, стоя вечером у окна.

– А во сколько вернулся, не подскажете? – быстро бросил следователь, не отрываясь от записей в блокноте.

– Да вы что, Антон Сергеевич, на полном серьезе полагаете, что я всю ночь у окна стояла? Вой волчицы прекратился, Андрей Ильич из виду скрылся, я и отправилась спать.

Павел Юрьевич во время беседы следователя с девушкой стоял у окна и рассматривал территорию соседнего двора.

«Да, давно хозяйская рука ко двору не прикасалась, – констатировал про себя участковый. – Дверь на сарае покосилась, возле сарая небольшая кучка чурок лежит. Игорь так и не справился до конца с дровами, не успел до снега. Расшатанные перила у крыльца ждали, когда ими займутся заботливые руки».

Арина, ответив на все вопросы следователя, отчего-то разволновалась, и у нее от предчувствия беды засосало под ложечкой.

– А что случилось-то? А то все расспрашиваете, расспрашиваете и ничего не объясняете, – в голосе девушки проскальзывали нотки беспокойства.

– Убийство у нас, Арина Владимировна. Вот ищем и опрашиваем возможных свидетелей.

– А кого убили-то? И вы что, Андрея Ильича подозреваете?

– О, сколько вопросов! – оживился Павел Юрьевич, отрываясь от окна.

Антон Сергеевич ответил спокойно, даже, как показалось Арине, совершенно обыденно:

– Григория Суркова нашли мертвым, недалеко от своего дома, – немного помолчал и добавил, – Арина, еще один вопрос: вспомните, у Андрея Ильича, когда он вышел из дома, было что-нибудь в руках?

Арина словно наяву увидела мужчину, стоящего под падающим снегом, успокаивающего волчицу.

– Нет, знаете ли, ничего не было. Потому что он вышел в распахнутой фуфайке и застегнул ее уже на улице. Руки у него были совершенно свободны.

Павел Юрьевич хмыкнул и произнес:

– Ну, ты как маленький, Антон Сергеевич, если он готовился к убийству, то, скорее всего, заранее припрятал где-нибудь орудие для совершения преступления.

– А как убили этого Суркова? – живо осведомилась Арина.

Следователь решил удовлетворить любопытство девушки:

– Криминалист разбирается. Но рана на шее у Григория очень уж странная. Словно зверь свой клык ему в горло запустил. Или человек старался все сделать таким образом, чтобы имитировать укус зверя. Короче, разбираемся.

– И вы полагаете, что это убийство совершил Андрей Ильич? У него была очень веская причина, чтобы с Сурковым посчитаться? – из Арины, как из рога изобилия, сыпались вопросы, и она надеялась, что следователь удовлетворит ее любопытство.

– Разберемся, – уклончиво ответил Антон Сергеевич, поднимаясь из-за стола.

Ранние гости ушли, Арина, перебирая в памяти разговор, сидела у стола, подперев кулачками голову.

«Это что же получается? Вначале лесник убил девушку по неосторожности, а теперь решил убивать преднамеренно? Что за всем этим кроется? Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая».

Беспокойные размышления девушки прервала Клавдия Захаровна, женщина, у которой Арине пришлось пожить какое-то время, пока ремонтировали ее квартиру. Она вошла уверенно в дом и, столкнувшись с живым и встревоженным взглядом Арины, тепло поприветствовала девушку:

– Доброе утро, Арина. Вижу, тебе в выходной поспать не дают ранние гости? А я вот тут с утра со стряпней возилась, горячих пирогов тебе на завтрак принесла, – тетя Клава прошла к столу, поставила на него небольшую корзинку и отправилась к вешалке раздеваться.

– Здравствуйте, Клавдия Захаровна, – ответила Арина, обрадовавшись бывшей хозяйке, проворно соскакивая со стула и включая чайник.

– Лесную красавицу видела или не выходила еще в двор-то? – живо поинтересовалась Клавдия Захаровна.

– Нет, еще не видела.

– Понятно, констатировала женщина и пояснила: – Вчера машину откомандировали в лес за елками, ну, то есть за сосенками, елки-то у нас поблизости не растут. А вот ведь привычка, раз дерево предназначено для новогоднего праздника, так елкой его и называем. Ну да, – продолжала рассказ Клавдия Захаровна, проходя к столу, – Миша твой поехал помогать сосенки грузить, его Лариса Петровна попросила доставить деревце для новогодних праздников в школу. А мой-то Роман Семенович сам по заказам сельчан сосенки приготовил, оставалось дел-то – погрузить да доставить в село. С погрузкой справились засветло, а на обратном

пути машина зарюхалась в сугроб и забуксовала, так что мужички приехали уже под утро. Миша, видно, не стал тебя будить – что зазря тревожить, сосенку оставил, правильно рассудив, что сама все увидишь.

Пока женщина рассказывала, Арина слышала ее голос словно через вату в ушах, у нее из головы не выходил разговор со следователем. И как только женщина замолчала, Арина полюбопытствовала, разливая по чашкам чай:

– Клавдия Захаровна, а что тогда, три года назад, случилось в лесничем доме?

– Ты про Андрея, что ли, спрашиваешь? – поинтересовалась женщина, подув на бокал с горячим чаем и, отпив глоток, вернула бокал на стол.

– Да, про него, – подтвердила Арина и, сев за стол, внимательно посмотрела на тетю Клаву, всем своим видом показывая, что она долго готова слушать ее рассказ.

– Да, темная там история приключилась, – и, встретив настойчивый взгляд Арины, продолжила: – Хорошо, расскажу, что знаю. В тот день трое Сурковых приехали к Андрею в лесничество поохотиться. Андрей никогда никому не отказывал в развлечениях в виде зимней охоты. Сам он мужик непьющий, но на слабости людей смотрел сквозь пальцы и никого не осуждал за чрезмерное пристрастие к алкоголю. Мой-то Роман Семенович немного другой: сам не пьет горькую и не терпит, когда другие к рюмочке прикладываются. Вот к нему никто практически и не подкатывает насчет охоты. А люди в большинстве своем как? Едут в лес отдохнуть душой и телом, отвлекусь от житейских проблем. Словом, отстраниться от реального мира. Так вот, приехали Сурковы не одни. Сын Григория Ленька зачем-то любовницу с собой притащил. Может, это ее прихоть была – с мужиками в лес поехать, теперь уж правды никто, думаю, не узнает. Короче, мужики Сурковы хорошо выпили и уснули, говорят, что выстрела не слышали. И самое странное в этой истории то, что беспробудным сном уснул Андрей. Анализ крови, взятый у него позднее, показал, что в крови алкоголя нет. Снотворного или других препаратов тоже не обнаружили. А из показаний Леньки следует, что, когда он проснулся, Леры в домике не было. Он якобы пошел ее искать, а она неподалеку застреленная лежит. Позднее провели экспертизу: убита девушка была почти в упор. На верхней одежде Андрея обнаружили следы пороха, правда, на руках и рукавицах следов пороха не было, но это обстоятельство не сыграло никакого значения. Застрелена Лера была из ружья Андрея, и на его охотничьих лыжах нашли капли ее крови. Вот и не удалось на суде доказать, что невиновен. И мужики... это, как его... Ну, подтвердить не смогли.

– Алиби, – подсказала Арина.

– Да, да, это самое алиби. Вот теперь и гадай, напрасно он отсидел три года или все же за дело.

– Клавдия Захаровна, а что за люди эти Сурковы?

– Люди как люди, но, на мой взгляд, порядочности им, что ли, не хватает, скользкие какие-то они, эти братья Сурковы. А тут, видишь, какие страсти с его возвращением совпали. Я Веру сегодня встретила, она мне и рассказала, что утром прибежала к ней Люба, жена Григория Суркова, чтобы та засвидетельствовала смерть мужа. Вчера вечером он, как обычно, отправился прогуляться. Григорий последнее время грузный сделался, сердце стало пошаливать, вот врачи и посоветовали ему заняться скандинавской ходьбой. Ну, это ходить с лыжными палками без лыж.

– Я знаю, что такое скандинавская ходьба, – поторопилась ответить Арина, ей не терпелось услышать продолжение рассказа.

– Чудно, конечно, – Клавдии Захаровне никак не верилось в лечебные свойства такой ходьбы. – Якобы именно эта ходьба снижает жировую массу, укрепляет сердце, сосуды и легкие, нормализует кровяное давление, снижает уровень холестерина и даже делает кости более прочными. А что мешает на привычные лыжи встать? – не уставала диву даваться Клавдия Захаровна.

Женщина отпила из бокала полуостывший чай и продолжила повествовать.

– Так вот, Гриша ушел, а Люба выпила снотворное и не помнит, как уснула. Говорит, что до этого две ночи толком не спала, беспокойство ее одолевало, причины которого она объяснить не смогла. Утром пробудилась – уже светает, хватилась, а мужа нет рядом. Позвала – не откликается, вышла во двор – мужа нигде нет. А за воротами дворняга какая-то воет, надрыгается. Выглянула, а он неподалеку лежит, и палочки раскиданы. Думала, что с сердцем плохо стало. Люба подошла поближе к мужу и там, под его головой, обнаружила лужу уже впитавшейся в снег крови. Потрогала его, а он уж холодный, ну она к Вере и поспешила.

Женщины помолчали, каждая думая о своем. Клавдия Захаровна добавила:

– А вчера, видишь ли, Злата опять в село наведывалась. Давно ее не видно было. А вот как Андрей пришел – и волчица объявилась. Опять народ возмущаться будет, и сельчан понять можно, как-никак дикий зверь, – Клавдия Захаровна тяжело вздохнула и пристально посмотрела в задумчивое лицо девушки.

Злата лежала в своей норе с двумя подросшими за лето и осень волчатами и вспоминала вчерашнюю встречу с хозяином. А если сказать по правде, по совести, этот человек ей не хозяин, а старший друг, Большой волк, так она для себя его окрестила. Вот если бы он был волком, то непременно стал бы вожаком. Вчера она пришла удостовериться, что он опять никуда не пропал. Злата его голосом вызвала из дома, и он вышел и даже проводил ее до кромки леса. Волчица не оглядывалась, но знала, что он следует за ней, шкурой чуяла, слышала его знакомые легкие шаги.

Она вдруг вспомнила, как он исчез: приехало много людей, и его у нее отняли надолго; как она скучала, устав от бесконечных поисков его запаха. Потом несколько дней провела в норе, переживая утрату. Затем Злата усиленно искала друга в селе, обнюхивая все человеческие следы, но тщетно. Вот уже белое покрывало, сотканное из миллионов холодных мух, трижды укрыло землю, а его все не было.

Год назад Злата повстречала своего самца, боль от потери друга притупилась. У самца были высокие и сильные ноги, красивое вытянутое тело, покрытое густым мехом и жесткой шерстью, толстый длинный хвост. А какой он был ласковый и заботливый. Она была счастлива и готова дать потомство. Но, видно, такова ее судьба: постоянно кого-то терять. Ранней осенью ее верный самец ушел на охоту – повзрослевших волчат пора было переводить на мясной рацион, и сколько она его ни ждала, глава семьи не вернулся. Злата долго его искала, понимая, что не мог он ее предать и бросить просто так.

«Значит, – решила она, – его отняли люди».

Большой волк ей с детства внушал, что трогать людей нельзя, она хорошо усвоила этот запрет. Только одного понять не могла: почему людям можно все, а она должна подавлять свои инстинкты, которыми щедро наградила ее природа?.. В норе беспокойно завоились проголодавшиеся волчата, прервав ее невеселые мысли. Мать с любовью посмотрела на них и подумала:

«Надо будет показать детенышей Большому волку и своих детенышей приучить к его присутствию. Они должны будут понять, что он свой и поэтому его трогать нельзя», – она плотнее прижалась к волчатам, стараясь согреть их своим телом.

Леонид Григорьевич Сурков сидел в своем кабинете на рабочем месте и просматривал финансовый отчет, который ему только что принесла бухгалтер турфирмы.

«Да, этот год, в финансовом смысле, удачно сложился», – отметил довольно про себя Леонид.

Дела его шли в гору. Его туристическая компания «Злато Мира» предлагала клиентам туры более чем в тридцать стран: Вьетнам, Мальдивы, Шри-Ланка, Турция, Испания, Куба... Любой каприз за ваши деньги.

Был Леонид Сурков чуть выше среднего роста, подтянут, серые глаза немного навывкате, но это обстоятельство нисколько не портило его мужественное лицо. Светло-русые волосы аккуратно подстрижены. Мужчина очень заботился о своем здоровье, и ему было не безразлично, как он выглядит, поэтому у него был личный косметолог и стилист. Кроме того, Леонид любил идеальную чистоту во всем, и чем старше он становился, тем болезненней реагировал на дискомфорт в быту.

В кабинет осторожно вошла длинноногая секретарша Аня и лилейным голоском поинтересовалась:

– Леонид Григорьевич, к вам рабочие пришли. Елку можно устанавливать?

– Да, да, пусть заходят, – медленно ответил Леонид, не отрываясь от документов.

Была у Леонида Григорьевича еще одна слабость: он, как ребенок, каждый год радовался Новому году. И было чему радоваться. Его мечты сбывались обычно в этот волшебный праздник. Он сам не понимал, чем это можно объяснить. Просто вот так его вела судьба по жизни. И жизнь, надо сказать, была к нему благосклонна. Разве мог сельский мальчишка мечтать о том, что когда-нибудь у него будет своя турфирма, да еще такая успешная? А вот ведь сложилось... Недаром его отец любит повторять: «Тебя, Ленька, при рождении Бог в темечко поцеловал».

Все началось с того, что мама Лени, Любовь Александровна, с самого детства приучала своего единственного сына к чтению. Она сама много читала и, работая библиотекарем в сельской библиотеке, регулярно приносила с работы книги для сына. Он перечитал все книги Жюль Верна – французского писателя, классика приключенческой литературы. И просто заразился научной фантастикой и путешествиями. Его полностью поглотила страсть к путешествиям. Но как подобрать профессию, чтобы она помогла объездить весь мир? И он решил во что бы то ни стало посвятить себя туристическому бизнесу. Громко, конечно, сказано. Мечты мечтами, но денег у родителей не было, чтобы сына обучать. И Леня решил, что готов свою мечту начать исполнять с самой незначительной должности, лишь бы его пустили на порог любой турфирмы. И такая фирма нашлась. В туристическую компанию «Злато Мира» требовался специалист в отдел приема-выдачи документов, и Лене повезло – его взяли в фирму. Зарплата не ахти какая, но зато есть огромное желание учиться. Ну а если повезет, то и связать свою карьеру именно с туристическим бизнесом.

Однажды за несколько дней до Нового года Геннадий Викторович Прибытков, директор турфирмы «Злато Мира», очень торопился по делам и попросил Леонида оформить путевки во Францию для себя и своей дочери – именно там они собирались встретить Новый год:

– Леня, как только документы будут готовы, отвези путевки ко мне домой, сам я их не успею забрать. Дома тебя встретит моя дочь Лиза, я ее предупредил, она будет в курсе, что ты путевки доставишь.

Леня такие огромные и богатые особняки видел только по телевизору. Его встретила молодая миловидная девушка, примерно одного возраста с ним. Лиза приняла конверт, вежливо поблагодарила парня и, прихрамывая, или даже припадая, на одну ногу, пошла прочь. А Ленька словно прилип к порогу холла и не мог сдвинуться с места. Затем, сам не зная зачем, дерзко и сочувственно бросил в спину девушки:

– Поранили ногу?

Она обернулась, почему-то густо покраснела и, чтобы скрыть свою неловкость, злобно ответила:

– Тебе какое дело? Уходи, – и стала медленно подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж особняка.

Ленька вначале растерялся, затем разозлился на себя:

– Дурак! Получил? – прошептал он и уже хотел выйти из особняка, но заметил, что в холле, на журнальном столике, лежит газета и авторучка. Ленька, сам не ожидая от себя, быстро прошел к столику и на белом поле газеты написал: «Будет грустно, звони. Леонид», – и приписал номер своего сотового телефона. Бросив на ходу «Пока!» Лизе, застывшей на лестнице с удивленным лицом, быстро удалился.

К его большому удивлению, Лиза позвонила через три недели. Ей было грустно и больно, она поругалась с отцом, который ее не понимал. Геннадий Викторович не разрешал ей дружить с теми, кто нравился девушке. Она считала, что отец ущемляет ее права. Ленька выслушал ее молча, но как только Лиза закончила говорить, спокойно и разумно произнес:

– Отец тебя слишком любит, вот и старается оградить от разочарований.

– И ты туда же, – нервно ответила Лиза и отключила телефон.

А Ленька опять обозвал себя «дураком». Он несколько раз прокручивал в памяти этот разговор, но так и не придумал, что он должен был сказать Лизе, чтобы она не обиделась. Через месяц Лиза позвонила опять. Она сказала, что отец улетел в Москву и вернется только завтра, и предложила ему приехать вечером к ней в гости. Ленька согласился и, купив красную розу и коробочку конфет «Птичье молоко», к семи вечера был на пороге у Лизы. Они пили чай со свежайшими круассанами, и Леонид отметил, что Лиза – довольно приятная собеседница, она тоже очень начитанна, но самое главное – она умела внимательно слушать. Он ей рассказал о своем детстве, о своей мечте. А она без утайки поведала ему о себе. Ленька узнал, что Лиза – единственная дочь у отца. Мать умерла при родах, поэтому Геннадий Викторович воспитывал дочь один. У Лизы был один физический дефект, левая ее нога была на три сантиметра короче правой. Девушка перенесла несколько операций, но до конца исправить положение не удалось. По этому поводу Лиза очень комплексовала: ее походка напоминала утиную.

Прошел еще один год. Леонида под Новый год назначили менеджером по туризму. С Лизой они по-прежнему встречались. Если она долго не звонила, он скучал и без встреч с девушкой обходиться уже не мог. Вскоре Леонид почувствовал, что по-настоящему влюбился. Но как признаться в этом девушке? Он боялся спугнуть ее своим откровением. Новогоднюю ночь они провели вместе, и девушка сама ему открылась, сказав, что Леонид ей очень нравится. Счастью парня не было границ, но он понимал, что Геннадий Викторович вряд ли обрадуется нищему зятю, воспитанному в деревенской глубинке.

А после новогодних праздников у директора турфирмы случился инсульт. Ленька морально и физически поддерживал Лизу, они вместе навещали Геннадия Викторовича в больнице. Через три месяца Прибытков более-менее оправился от болезни. Он оценил преданность молодого сотрудника, не стал препятствовать счастью дочери и практически через год, так же на Новый год, в узком кругу они сыграли свадьбу. Еще через год, тридцать первого декабря, Лиза родила дочь Дарью. Беременность была тяжелой, Лизу мучил страшный токсикоз, несколько раз была угроза выкидыша, поэтому рожать отец отправил дочь в Германию. После благополучного рождения внучки Геннадий Викторович почувствовал себя счастливым дедушкой и назначил зятя своим заместителем. Сам он редко стал появляться в офисе: частенько побаливало сердце, и основательно делами компании занимался Леонид Григорьевич. Когда Дарье исполнилось три года, сразу после Нового года, у тестя случился обширный инфаркт. К делам он больше не вернулся, написал завещание и ознакомил с документом дочь и зятя. По завещанию семейным туристическим бизнесом будет заниматься Леонид до тех пор, пока будет в браке с Лизой. В противном случае – при разводе – зять не получает ничего и даже должен будет уйти из компании. В случае смерти Лизы, не дай бог, конечно, Леонид будет являться опекуном дочери до ее совершеннолетия. Как только Дарье исполняется восемнадцать лет, весь бизнес переходит к ней, и Леонид, передав дочери управление делами, будет считаться ее работником.

В тот период времени Леонида устраивало абсолютно все, он был вполне доволен жизнью: глава успешной турфирмы, богат, есть верная, добрая жена и, конечно же, пока единственная любимая дочурка. То, о чем он мечтал и к чему стремился, сбылось. Отношения между Лизой и Леонидом всегда были трогательными, они заботились друг о друге. Супруги начали много путешествовать, благо Лиза была легка на подъем и ее не пугали поездки в дальние страны с маленьким ребенком. Мало того, у Лени появилась возможность помогать родителям. И вскоре Григорий Сурков, к большому своему удовольствию и на зависть всей округе, в селе Боровиково поставил новый, добротный дом.

Рабочие, негромко переговариваясь, закончили устанавливать елку в углу кабинета. Сделав свое дело, собрали инструменты и торопливо удалились, оставив на полу небрежно разбросанный мусор. Леонид бросил на пол недовольный взгляд и поморщился, словно от зубной боли. Не успел Леонид негативно подумать о неаккуратной работе мужчин, как тут же в приоткрытую дверь осторожно заглянула Анна:

– Леонид Григорьевич, я могу пригласить девушек украшать елку?

– Да, и пусть поторопятся, я через час уезжаю, – ответил Леонид, откладывая в сторону папку с финансовым отчетом. Он, конечно, мог оставить кабинет на попечение Анны и не наблюдать всю эту беспорядочную суету, но он всегда сам любил наблюдать, как преображается новогоднее деревце и превращается в очаровательную волшебницу, исполняющую все его заветные и сокровенные мечты.

На столе резко и неожиданно завибрировал, задребезжал, подпрыгивая, мобильник. Леня отчего-то вздрогнул, в душе необъяснимо смутно и тревожно кольнул ледяной осколок. Звонила мать. Мужчина встряхнул головой, стараясь прогнать противное чувство беспокойства. Он уже собирался ответить матери, но в кабинет с объемной коробкой вошли девушки, сотрудницы турфирмы, все как на подбор длинноногие, в коротких юбках и оранжевых галстуках – отличительный атрибут турфирмы. Из коробки торчала разноцветная пушистая мишура, поблескивая на свету яркими искорками. Леня сегодня отчего-то безразличным взглядом проводил девушек и наконец-то ответил:

– Да, мама, здравствуй. А что у тебя с голосом? Говори, я слушаю... Что? Что ты сказала? Отец, о боже, – вскричал Леонид, шумно отодвигая компьютерное кресло от стола и нервно вскакивая с места. Девушки, не успев поставить коробки на пол, застыли и в изумлении, молча уставились на босса. В дверь кабинета обеспокоенно заглянула секретарша, уже готовая отчитать за нерадивость девушек, полагая, что именно они стали причиной недовольства Леонида Григорьевича. Но, увидев растерянные лица девушек и побледневшее лицо шефа, так и застыла в дверях с приоткрытым ртом.

– Пошли все вон! – завопил Леонид. Девушки, не двигаясь с места, переглянулись. – Вон. Все, – раздельно произнес мужчина и сел на место, обхватив голову руками. Девушкам больше напоминать не надо было, и они, забыв оставить коробки, засеменили к выходу. А Леонид, небрежно отбросив телефон, опустил назад в кресло и, обхватив голову руками, стал раскачиваться из стороны в сторону.

Антон Сергеевич приехал в Боровиково ранним утром, но все же не застал лесника дома. Вера Николаевна, увидев следователя, насколько возможно спокойно пояснила, что он уехал в лесничество в Управу, узнавать насчет работы. Ее волнение и беспокойство выдавали руки, беспрестанно теребившие край передника.

– Так сегодня суббота, выходной, кто его там ждет? – удивился следователь, внимательно изучая лицо женщины.

Вера Николаевна наконец-то взяла себя в руки и, не пряча глаз, ровным, спокойным голосом ответила:

– Он еще вчера днем при мне звонил начальству, и ему назначили встречу на сегодня, в первой половине дня.

– Хорошо, значит, телефон у него есть. А номерок не подскажете?

– Да, конечно, – женщина по памяти назвала номер телефона мужа.

– Спасибо, – поблагодарил следователь хозяйку дома, как только вбил номер в свой телефон, и тут же набрал его. К своему удивлению, Антон Сергеевич быстро дозвонился до Андрея Ильича и попросил, чтобы тот подождал его приезда в районе. Следователь еще раз поблагодарил Веру Николаевну, на что та облегченно ответила:

– Ну я же говорила, что он в районе.

Антон Сергеевич уже хотел выйти из дома фельдшерицы, но позвонил криминалист Вася:

– Слушай, Сергеевич, если предположить, что Суркова убил человек, то от такого удара в горло у погибшего кровь хлынула фонтаном. Поэтому – смекай – у преступника должны были обязательно капельки крови Суркова остаться на одежде.

– Хорошо, Вася, понял. Спасибо, – и отключив телефон, тут же обратился к фельдшерице. – Вера Николаевна, а в какой верхней одежде вчера ходил Андрей Ильич?

– Как в какой? – удивилась женщина. – Он в ней и сегодня в район уехал, в бушлате защитного цвета.

– Ну, еще раз спасибо и всего доброго, – кивнув головой, к большому облегчению хозяйки, следователь наконец-то отправился к выходу.

Антон Сергеевич до обеда покружился по селу, выискивая и опрашивая свидетелей преступления. Убийство произошло поздно вечером, поэтому добиться чего-либо вразумительного от сельчан ему не удалось. Ничего нового для себя не выяснив, следователь поспешил вернуться в район.

К зданию РОВД Антон Сергеевич, криминалист Вася и Андрей Ильич подошли одновременно. Мужчины дружелюбно обменялись крепким рукопожатием и поспешили пройти в кабинет Антона Сергеевича. Как только за лесником закрылась дверь кабинета, следователь быстрым, ненавязчивым взглядом пробежался по одежде лесника и, не найдя видимых улик в виде брызг крови, тактично обратился к мужчине:

– Андрей Ильич, не могли бы вы свой бушлат на полчаса передать Василию? – Антон Сергеевич, боясь своими подозрениями обидеть мужчину, старался говорить спокойно и мягко, насколько это возможно.

Андрей Ильич хмыкнул, не понимая, зачем криминалисту понадобился его бушлат, но все же неторопливо разделся и, передавая куртку криминалисту, в тон начальнику ответил:

– Отчего же не отдать? Возьмите, если это необходимо, – и неторопливо, с некоторыми нотками вальяжности, присаживаясь напротив следователя, поинтересовался: – Так о чем вы со мной хотели поговорить?

Антон Сергеевич про себя отметил, что лесник держится уверенно, спокойно, взгляд у него прямой и немного насмешливый. В движениях ни капли нервозности или суетливости не наблюдалось. Невольно пробежала мысль:

«Так уверен в своей безнаказанности или действительно не причастен к убийству? – и, встрепенувшись, подытожил для себя: – Разберемся». А вслух поинтересовался:

– Андрей Ильич, что вы можете пояснить по поводу убийства Григория Суркова? – и внимательно посмотрел леснику в глаза. Но взгляд Андрея Ильича был прямым и невозмутимым, он без тени беспокойства ответил:

– Мне о причине его смерти абсолютно ничего неизвестно, – и, помолчав, добавил: – Я его не убивал, если вы об этом. Видеть живым, правда, издалека, видел, но не трогал.

– А где вы его видели? – внутренне напрягся Антон Сергеевич, стараясь как можно больше выудить информации из лесника. Андрей Ильич без лишней суеты, сохраняя самообладание, ответил:

– В тот вечер из леса пришла волчица, стала выть под моим домом. Я вышел, отправил ее обратно в лес и пошел следом. Дикий зверь все-таки, мало ли кто встретится на ее пути. Иной раз от собаки-то не знаешь, чего ожидать, а тут волк. Запаникует человек при виде волчицы, бросит в нее палкой или камнем, а она очень самолюбива, естественно, будет защищать себя, вот и случится беда.

– Вы сказали, что встретили Суркова. А он вас заметил?

– Не знаю. Он с лыжными палочками в руках свернул в переулок. Я и видел-то его со спины, просто по походке узнал.

– А еще кого-нибудь заметили?

– Да. Учитель Владимир Иванович мне повстречался, когда я в сторону леса шел. Дошел я до кромки, волчица скрылась в лесу, я постоял еще немного. Мало ли что, вдруг передумает и вернется... и пошел домой. А вот на обратном пути вроде бы никого не встретил.

В кабинет с озабоченным видом вошел Вася, в руках он держал бушлат Андрея Ильича. На немой вопрос следователя криминалист отрицательно покачал головой, повесил бушлат на вешалку у двери и, почесав затылок, вышел.

Антон Сергеевич вздохнул и, обратившись к леснику, немного разочарованно произнес:

– Можете быть свободны, Андрей Ильич. Из села попрошу не отлучаться до конца следования.

– Я на свой лесной участок могу наведываться?

– Можете, только будьте постоянно на связи.

Когда за лесником закрылась дверь, Антон Сергеевич поднялся из-за стола, медленно засунул руки в карманы брюк и, подойдя к окну, решил привести мысли в порядок.

«Итак, что мы имеем? Лесник признался, что выходил в тот вечер из дома. Да и как не признаться? Ему повстречался учитель, значит, он может подтвердить, что видел его. Но самое главное, никто не может подтвердить, что Андрей Ильич не убивал, так как никто не видел, как он возвращался назад. Да, следов крови Суркова на бушлате лесника нет, но это тоже ни о чем не говорит. Надо искать свидетелей», – следователь тяжело вздохнул и отошел от окна.

Арина налегке вышла за калитку и всей грудью вдохнула морозный воздух. Сердце радостно забило, Арина душа находилась в предвкушении предстоящих новогодних праздников. Сегодня первый в декабре по-настоящему морозный день. Термометр на улице показывал минус тридцать градусов. Снег, который валил практически всю неделю, прекратился, успев укутать теплым одеялом деревья, водрузить на крыши домов белоснежные, пушистые шапки, прикрыть все свободное пространство села воздушным покрывалом. Глаза слепили искорки, радостно прыгая и отражаясь в лучиках яркого солнца. Девушка неспешно направилась к школе, боясь спугнуть внутреннее ощущение очарования, охватившее ее душу.

«Как там, в славянских сказаниях говорится? – вспомнила она недавно прочитанное: – Дед Мороз, всемогущий бог погоды на планете. Дед Мороз (Морозко) – божественный повелитель зимней стужи, снега и ветра, замерзших рек и снежных сугробов, – Арина огляделась и, сняв варежку, теплой рукой помассировала нос, за который ущипнул мороз, улыбнулась, радуясь зимней сказке. На деревьях лежало поистине невообразимой красоты снежное кружево. Тихая морозная погода не потревожила ровную белую полосу снега на длинных проводах. Мысли потекли дальше: – Добрые народы Морозко щедро одаривает хорошей погодой. А злые народы строго наказывает жестокими холодами. Да, в этом что-то есть, – девушка прикрыла нос пуховой варежкой, ее мысли вдруг стали витать вокруг происшествия. – Убит человек, пострадал то ли от клыка зверя, то ли от рук человека. И сразу же в село пришла зимняя стужа.

Да, дела. Неужели к этому убийству причастен Андрей Ильич?» – перед глазами неожиданно всплыл лесник, с упруго сжатыми губами, спокойнодвигающийся на лыжах в сторону леса. Арина встряхнула головой – не хотелось портить себе настроение мыслями о чужой беде. День клонился к вечеру, но школьные окна призывно светилась яркими огнями, напоминая редким прохожим, что там, за стенами, бурлит молодая фантазия, неумная энергия и неповторимое детство и юность. В общеобразовательном учреждении декабрь был объявлен месячником Мастерской Деда Мороза. Ребятя вместе с классными руководителями не успевали в учебные дни вдоволь заниматься творчеством. Ведь приближается не только самый главный праздник в году, но и заканчивается учебное полугодие. Надо еще успеть подчистить учебные «хвосты», поднатужиться, напрячься, чтобы не обидеть доброго Дедушку Мороза и получить к празднику вожделенный подарок или исполнение заветной мечты. И в выходной все вместе, учителя и ученики, шумно и весело наверстывали упущенное: мастерили бумажные гирлянды, вырезали снежинки с причудливыми узорами, рисовали новогодние рисунки и плакаты.

Как Арина любила это предчувствие праздника именно здесь, в Боровиково, где ей приходилось иногда гостить на зимних каникулах у тети. В городе она жила с родителями, и там новогоднее настроение придавали только украшенные гирляндами витрины магазинов. В самой школе представления не устраивались, потому что новогодний бал обычно проходил в соседнем театре. К представлению, правда, начинали готовиться почти с самого начала сентября, но чувство волшебства не приходило.

Здесь же, в селе, маленькая Арина находилась в самой гуще событий и ощущала свою причастность к волшебству, которое непременно случится на новогоднем празднике. Ну а если не случилось чудо – сама виновата: где-то плохо себя вела или не очень усердно училась, поэтому Дед Мороз и не посчитал нужным осуществить твои мечты.

Арина улыбнулась, вспомнив свои детские желания, и поймала себя на мысли, что по-прежнему верит в то, что чудо обязательно, нет, даже всенепременно случится. Арина вошла в здание и сразу окунулась в оживленную суету, погрузилась с детьми в новогодний сценарий.

После шумной, оживленной и бурной вечерней репетиции все наконец-то разошлись. В опустевшей школе вдруг стало пустынно, тихо и отчего-то грустно. Арине пришлось задержаться в своем кабинете истории. Оказалось, что ей на понедельник поменяли расписание, а завуч Татьяна Николаевна, наверное, забыла предупредить ее об этом. Хорошо, что сама додумалась посмотреть расписание уроков. Когда все дела были закончены, учебники и ученические тетради ровными стопками сложены на учительском столе, девушка закрыла кабинет, спустилась по неширокой лестнице на первый этаж, распрощалась со школьным сторожем дядей Васей и вышла на улицу. Неожиданно из задумчивости ее вывел грозный, угрожающий собачий рык; она медленно подняла глаза и увидела на противоположной стороне улицы собаку, которая сидела возле ее дома и, повернув голову в сторону приближающейся Арины, негромко, но настойчиво порывивала.

«Боже, да это же не собака, а волчица, – вихрем пронеслось в голове девушки. Сердце ухнуло в пятки, кисти рук сразу стали холодными. – Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая. Так, так, что я должна делать или чего не должна делать?» – Арина старалась взять себя в руки и не наделать глупостей, которые могли привести к плачевным последствиям. Она стояла не шевелясь на обочине дороги и вдруг вспомнила университетские лекции по основам безопасности жизнедеятельности. Когда лектор Дмитрий Афанасьевич читал лекцию о поведении человека при встрече с лесными дикими зверями, то многие девушки хихикали или вообще беззаботно говорили о том, что им это в принципе не понадобится. Откуда в городе взяться дикому зверю? Но Арина отнеслась к этим лекциям ответственно, словно знала, что ей это обязательно пригодится, и одна из первых сдала зачет.

«Итак, – молниеносно отметила про себя девушка, – ни в коем случае нельзя смотреть волку в глаза, – она медленно опустила голову и боковым зрением наблюдала за волчицей.

Арина нисколько не сомневалась, что это была именно Злата. – Готовность к нападению у этого хищника выражается прижатием ушей к голове и приседанием на полусогнутых лапах», – но кроме рыка, волчица не проявляла никаких признаков агрессии. Арина, заметив это, решила бежать в сторону школы; она уже сделала шаг назад, но тут же вспомнила слова лектора: «А вот бегство или разворачивание к волку спиной дает практически стопроцентную гарантию нападения. Причем убежать от него вы все равно не сможете».

– Господи, – тихо прошептала Арина, – помоги мне, – в глазах потемнело, забегали противные черные точки, не дававшие сфокусировать зрение; она на долю секунды прикрыла глаза.

Откуда-то издали послышался рокот автомобильного мотора, из переулка неторопливо вывернула машина и, освещая фарами улицу, стала медленно приближаться к девушке. Свет фар ослепил Злату, ее золотисто-желтые глаза злобеще блеснули. Волчица, поджав хвост, быстро стала удаляться вниз по улице. Арина обессилено прислонилась к фонарному столбу, ноги стали словно ватными, в горле пересохло, а на лбу выступили холодные капельки пота.

«О, Боже, спасибо тебе», – мысленно вяло поблагодарила она спасителя, вытирая ладнью со лба холодный пот, и поспешила к своему дому, пока волчица не передумала и не вернулась.

Девушка на трясущихся ногах подошла к калитке, одновременно с ней подъехал автомобиль. Из его приоткрытого багажника торчали две пары лыж и лыжные палочки. Машина неспешно притормозила, и из нее быстро выскочил Миша, торопливо бросился к девушке. Он крепко обнял ее, прижимая родное тело к себе, чувствуя ее неповторимый запах, смешанный с чистым, пьянящим морозным воздухом, и прошептал:

– Аришка, дорогая, любимая, как я по тебе соскучился. Мне кажется, я не видел тебя целую вечность. Ты видела, какое новогоднее деревце я тебе притащил? А?

Миша, не получив ответа от Арины, отстранился от девушки и внимательно стал вглядываться в отрешенное, безучастное лицо:

– Ты чего такая бледная? Не заболела? – его беспокоило состояние любимой, еще не хватало, чтобы она накануне праздников свалилась от простуды.

Но Арина словно не слышала Михаила, пристально вглядываясь в темноту, туда, куда только что ушла Злата, стараясь разглядеть что-то невидимое, одной ей ведомое, спросила:

– Ты ее видел?

– Кого? – не понял озабоченного вопроса Миша.

– Волчицу, – спокойно ответила девушка. – Ты ее еще фарами ослепил, – и переведя беспокойный взгляд на мужчину, констатировала: – Ты не мог ее не видеть, она стояла возле моего дома.

– Ариша, успокойся. Я понимаю, что последние события тебя просто выбили из колеи. Но не надо драматизировать. Это, скорее всего, была собака. Лучше посмотри: я, как и обещал, лыжи привез. Ты же хотела в лес завтра сходить, с горы прокатиться, с трамплина прыгнуть, – и, видя, что девушку пока ничего не интересует, предложил: – Ну ладно, пойдем домой.

Арина послушно вошла в калитку, медленно пройдя по тропинке, открыла замок на двери и первой вошла в дом. Перед тем как уйти на репетицию, она жарко натопила печь. Дома было тепло и уютно. И девушке уже показалось не столь страшным только что пережитое событие; казалось, застывшая от ужаса в жилах кровь начала циркулировать в привычном ритме. Она быстро скинула верхнюю одежду, нырнула ногами в старые, удобные тапочки и включила чайник.

Мужчина стоял у порога, внимательно наблюдая за любимой. Ему было непонятно состояние девушки. Что-то странное и неведомое, видимо, с ней произошло, и это его беспокоило. Арина, поймав на себе встревоженный взгляд Миши и видя, что он не собирается проходить и раздеваться, нервозно топчась у порога, заинтересовалась:

– Ты чего не раздеваешься? Сегодня опять у меня не останешься?

– Останусь, – поспешил успокоить Миша девушку. – Сейчас только лыжи из машины достану, приберу и вернусь, – и быстро вышел в сени.

Арина, скрестив руки на груди, обхватив себя за плечи, поежилась и подошла к окну. Слабый свет фонарей освещал улицу. В ограде у соседей было пустынно. Тихо было и за стеной, отделяющей ее от соседей. Неожиданно у них глухо стукнула уличная калитка. По узкой заснеженной тропинке Андрей Ильич торопился домой, Оболтус, распознав хозяина, радостно заскулил, подпрыгивая на месте и грохоча массивной железной цепью. Арина суетливо отпрянула от окна и поспешила задернуть шторы.

– Черт, что это я? Чего испугалась-то? Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая, – пробормотала девушка; в душе пробежала змейка необъяснимого беспокойства. Но в сенях послышались шаги Миши, и девушка, взяв себя в руки, постаралась успокоиться. Вечер прошел тихо и безмятежно, почти совсем по-семейному. Как Арина любила такие редкие вечера, когда Миша никуда не торопился и оставался у нее до утра. Молодые люди попили чай и без лишних разговоров отправились спать.

Арина пробуждалась легко и спокойно, из кухни доносилось негромкое шебуршание.

«Миша печь топит, – довольно подумала она, улыбнулась и подтянула одеяло к подбородку. Морозная ночь выстудила квартиру, в спальне было свежо. Вчерашние страхи совсем улетучились, и встреча с волчицей уже не казалась такой ужасной, на душе было спокойно и благодушно. – Надо подниматься, сегодня на лыжах в лес пойдем», – Арина потянулась и, резко откинув одеяло, села на кровати.

На кухне, звонко щелкнув, протяжно засипел и отключился чайник. Миша осторожно заглянул в спальню.

– О, да ты уже не спишь? А я иду и придумываю, как бы тебя поласковой разбудить.

Арина нежно улыбнулась Мише, от ощущения счастья по коже забегали холодящие, приятные мурашки, она обхватила его за шею и приняла ласковый поцелуй. Неспешно поднялась; настроение было ровное, душа и тело были готовы к встрече с зимним лесом, предвкушение чего-то нового, необычного будоражило мысли. Она накинула халат, не расчесываясь, собрала волосы в хвост и вместе с Мишей отправилась на кухню.

Неожиданно резво послышались глухие торопливые шаги по ледяному сенному полу, во входную дверь тихонько поскреблись, и на пороге, впуская в дом свежий воздух и клубы пара, появилась заместитель директора школы Татьяна Николаевна с раскрасневшимися от мороза щеками и красным носом.

– Можно? Не помешаю? Доброе утро, – не дожидаясь приглашения, заместитель отделилась от порога и прошла вглубь кухни. – Морозно сегодня, – поежилась Татьяна, снимая серые пуховые варежки и расстегивая пуховик.

«Что это ей от меня понадобилось в выходной?» – быстро и беспокойно подумала Арина, боясь, что заместитель сможет нарушить ее планы на сегодняшний день, и холодно ответила на приветствие девушки:

– Здравствуй, что-то случилось?

– О, как вкусно у вас кофе пахнет. Завтракать собираетесь? – поинтересовалась Татьяна, заметив на столе чайные чашки и пробежав завистливым взглядом по столу, она проигнорировала вопрос Арины.

Пришла очередь Арины оставить вопрос заместителя без ответа: нежданная гостья начала раздражать хозяйку дома, ее бесцеремонность, можно даже сказать – нахальность и нахрапистость, которая чувствовалась в каждом движении Татьяны, выводили девушку из себя, и Арина, стараясь не показать свое настроение заместителю, упорно настаивала:

– Ты по делу или так зашла?

– Арина, ты случайно классный журнал десятого класса домой не забирала? А то я взялась вчера проверять журналы, а десятого класса в журнальнице не оказалось. А мне справку по проверке закончить надо.

– Таня, у тебя что, с памятью плохо? Я же тебя предупредила, что его домой возьму, часы просчитать, ты же разрешила, и ни о какой справке речь не шла.

– Да? – удивилась заместитель, нарочито выпучив глаза и вдруг словно вспомнив, спохватилась: – А, да, что-то припоминаю. Ну так что, отдашь его мне? – настаивала Татьяна, наморщив лоб, словно готовилась к серьезному разговору. Что-то чувствовалось в ее взгляде беспокойное и тревожное.

«Неужели так из-за журнала разнервничалась?» – удивилась Арина неестественной напряженности Татьяны и отправилась в комнату за журналом.

Миша, наблюдая принужденный разговор девушек и видя, что завтрак откладывается, вышел на улицу. Татьяна без приглашения подошла к столу, отодвинула от него стул и присела в ожидании журнала. Арина вернулась быстро и молча протянула классный журнал заместителю.

– Ой, спасибо, – поспешно принимая из рук Арины важный школьный документ, Татьяна суматошно поднялась со стула, чуть не перевернув его и на ходу, пряча глаза, торопливо бросив: – Пока, – вышла из дома.

«Что это с ней сегодня? Какая-то несобранная или суетливая, что ли, совсем это на нее не похоже, – удивилась состоянию заместителя Арина и тут же нашла ему объяснение: – Видно, ее свои какие-то заморочки достали», – и тут же постаралась выбросить Татьяну из головы. Вскоре вернулся Миша; быстро позавтракав, молодые люди поспешили собираться в лес.

«Наверное, нет ни одного человека на свете, кого бы не покорила своей первозданной красотой зимний лес», – так думала Арина, уверенно двигаясь следом за Михаилом по проторенной лыжне. Ровное, белоснежное, искрящееся на солнце покрывало снега, лежавшее между деревьями, слегка слепило глаза. На лапах сосен, на кудрявых ветках берез было столько пушистого, теплого «одеяла», что можно было только диву даваться, как они выдерживают такую тяжесть. Утром Миша сказал ей, что до заветной крутой горы, с которой она просто мечтала промчаться, как в детстве, чтоб захватывало дух, – километров пять. Там же недалеко должна находиться избушка лесника, Андрея Ильича; именно в ней можно будет выпить горячего чая. Но все же, до конца не доверяя словам Миши, Арина сунула два небольших яблока в карман теплого лыжного костюма голубого цвета с белыми вставками, который ей необычайно шел. Так, на всякий случай, вдруг не получится к избушке лесника добраться вовремя, мало ли что может в дороге случиться, и тогда просто невозможно будет уложиться по времени. Двигались неторопливо, наслаждаясь редкой прогулкой, свежим морозным воздухом и красотой леса. Арина вдруг спиной почувствовала чей-то взгляд, пронизывающий ее невидимым лучом до самого позвоночника. Она остановилась и медленно пробежала глазами по местности, но никого не заметила. Успокоила себя тем, что показалось, и прибавила ходу, чтобы догнать немного оторвавшегося вперед Мишу. К полудню добрались до намеченной цели. Весь склон горы был усеян молодой порослью сосенок. Но свежая лыжня, уходящая круто вниз и петлявшая между деревьями, указывала на то, что не их одних привлекал экстремальный спорт. Арина подошла к краю склона и замерла. Из-за деревьев и крутизны склона невозможно было рассмотреть, куда убегает лыжня. От предвкушения новизны ощущений захватило дух, закружилась голова, и к горлу стал медленно и верно подступать спазм.

– Арина, ты чего побледнела? Если боишься и не уверена в себе, то лучше не рисковать, – посоветовал Миша, поправляя спортивную шапочку на голове. – Мы и так хорошо прогулялись, пять километров с гаком отмотали.

– Нет, нет, что ты? Все хорошо, – как можно увереннее ответила девушка. – Я обязательно скачусь. Ты же знаешь, как я об этом мечтала. Только давай так: ты первый, а я уже за тобой.

– Ты уверена? – настаивал Миша; было заметно, что он очень волнуется и переживает за любимую девушку. – Может, меня просто наверху подождешь? Я вернусь, и пойдем в домик лесника.

– Нет, – как можно тверже и категоричнее ответила Арина, собрав всю волю в кулак, хотя уверенно себя совсем не чувствовала: в ногах отчего-то появилась слабость, на тело навалилась противная немота. – Я хочу получить дозу адреналина, и я ее получу, – неизвестно, кого хотела убедить Арина: то ли себя, то ли Мишу.

Миша успокоился, поверив в силы девушки, и предложил:

– Хорошо. Я полетел, а ты досчитаешь до двадцати и начнешь спускаться.

– Договорились, – совершенно спокойно ответила Арина, словно не она только что бледнела и внутренне тряслась от испуга.

Миша подошел к краю склона, уверенно оттолкнулся палочками и, набирая скорость, плавно стал скользить вниз по проторенной лыжне. Арина, последовала примеру мужчины и подошла к краю склона. В голове у нее немного прояснилось, именно сейчас она сосредоточилась на лыжне, которую ей во что бы то ни стало надо пройти. «Я сумею, я смогу», – мысленно скомандовала она себе; досчитав ровно до двадцати, она крепко зажала лыжные палочки в руках и, глухо ухнув, понеслась с горы, разрезая грудью морозный, резкий воздух. Неожиданно спазм резко подскочил к горлу, застряв в нем комком, не давая дышать. Арина всего на долю секунды прикрыла глаза, тяжело вздохнула, стараясь протолкнуть спазм вглубь пищевода. Ее левая лыжная палочка почему-то резко ушла вбок, зацепилась за ветку молодой сосенки. Арину резко отбросило в сторону, она немного откатилась вниз – ровно настолько, насколько позволила лыжная палка, ремешок от которой был надет у девушки на руке. Второй конец палочки намертво запутался в гибкой ветке сосенки. Сознание Арины провалилось в черную дыру, и она мгновенно отключилась.

Арина открыла глаза. На чистом, ярко-голубом небе извивалась завораживающая своей красотой радуга. Девушку несколько не удивила эта живая картина. И она медленно, но ясно подумала:

«Боже, какое красивейшее природное явление. Что это, радуга? Или северное сияние?»

Ее кто-то усиленно стал тянуть за куртку в районе кармана. Ткань на куртке затрещала, и Арина с усилием отвела глаза от неба и скосила их на свой карман, где должны были лежать два небольших яблока. Два волчонка усиленно раздирали ее куртку. Девушка страха совсем не почувствовала, она хотела подняться, чтобы высвободить лакомства и самой отдать их волчатам, но тяжелая лапа легла Арине на грудь, ей в лицо жарко дыхнула Злата. Арина четко смогла рассмотреть у волчихи желтую радужку глаз. Девушка хотела скинуть лапу зверя с груди, которая мешала ей дышать, но Злата еще сильнее придавила ее.

– Что ты хочешь? – тихо, почти одними губами, без звука, произнесла девушка.

– Ты должна помочь Большому волку, он в большой беде.

– Я не знаю никакого Большого волка. И потом, почему я должна ему помогать?

– Просто потому, что так повелел Великий волк Упуаут. Большой волк вернулся из дальнего странствия, и так случилось, что он пока почти всегда живет рядом с тобой.

– Что? Мне бог Упуаут повелел помочь Андрею Ильичу?

Арина вдруг вспомнила мифологию славян:

– «Упуаут в переводе с древнеегипетского языка означает “Открывающий пути”».

– Но это же миф. Разве Упуаут существует? – произнесла она вслух.

Злата сурово сузила глаза, и Арина почувствовала, как она из мягких подушечек лапы выпустила острые когти, больно кольнувшие ее в грудь.

– Я поняла, – поспешила заверить волчицу Арина, боясь, что когти прорвут куртку и вопьются в тело. – Но я не знаю, чем я могу ему помочь.

– Правильный путь тебе укажет луна и морозная ясная ночь, – ответила волчица, втягивая когти в подушечки лапы.

– Это как?

– Ты слишком много задаешь вопросов.

– У меня только один вопрос: а если Большой волк – убийца и виновен в смерти человека, я тоже должна ему помогать?

– Это не имеет никакого значения для волчьего сообщества. Ваши человеческие законы нас совершенно не интересуют. Но к новому рождению луны Большой волк окончательно должен вернуться в лес. Ты поняла? – волчица наклонила еще ниже мощную башку и горячо дыхла в лицо Арины.

– Арина! Арина, ты меня слышишь? – девушка почувствовала на своем лице горячее дыхание. Кто-то усиленно тряс ее за плечо. Арина открыла глаза и встретила с беспокойным взглядом Миши.

– Господи, ты очнулась. Где у тебя болит? Руки, ноги целы?

Из Миши, как из рога изобилия, сыпались вопросы. Он нервно оглядывал и ощупывал девушку.

– А где Злата? – спокойно поинтересовалась Арина, отстраняясь от навязчивых действий Миши.

– Арина, не сходи с ума. Какая Злата? Я так за тебя испугался. Ты, видно, ударила головой и потеряла сознание. Вот тебе что-то и привиделось, – помогая подняться девушке на ноги и возвращая разлетевшиеся лыжи на место. Арина сама справилась с креплениями на лыжах и вдруг вспомнила про волчат. Она потянулась рукой к карману – тот был безнадежно изодран, и яблок в нем не было.

– Ну что? Что? – напористо спросил Миша, наблюдая за молчаливыми действиями девушки. – Упала, зацепилась за сучок, вот и результат. Подумаешь, карман порвала, самое главное, что сама цела, – констатировал Миша, становясь боком, чтобы на лыжах по склону, словно по ступенькам, выбраться наверх.

Арина промолчала, ей не хотелось разубеждать Мишу, тем более она прекрасно знала, что он ей все равно не поверит.

– Арина, нам еще с полкилометра пройти надо, тогда и отдохнем, и горячего чая попьем. Я прошу тебя, только не отставай. Если устанешь, оклики меня, постоим, отдохнем. Хорошо?

Арина молча кивнула, уверенно пристраиваясь идти следом за мужчиной.

К дому лесника добрались быстро. Никакого замка на двери не было, дверь в сени была закрыта только на вертушку, поэтому войти в дом не составило труда. Арина огляделась – небольшое окно тускло освещало просторное помещение. Возле трех стен примостились довольно-таки широкие топчаны, у окна стоял стол, окруженный деревянными табуретками. На краешке печи примостился подкопченный алюминиевый чайник. Возле печи лежали сухие дрова, словно дожидаясь редких путников, которым необходимо будет тепло. Миша проворно растопил печь, взял чайник с плиты и вышел на улицу, чтобы набрать снега для приготовления чая.

Арина забралась на топчан и, поджав коленки к подбородку, смотрела на завораживающие пляшущие язычки пламени, которые, разгораясь, старались вырваться из печной дверцы. Ее беспокойные мысли вернулись не то к видению, не то к больному воображению.

«Но ведь карман-то не порван, а разгрызен острыми зубами. Волки любят яблоки, ягоды, а зимой витаминов не хватает, вот они острым обонянием и почувствовали лакомство, быстро расправились с моим карманом. Бред, конечно, заключается в том, что со мной разговаривала

Злата. Но то, что она ко мне приходила вместе с волчатами, это факт. Ох, отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая».

Комната стала быстро наполняться приятным теплом, обволакивая пространство комнаты мягкими потоками воздуха. Арина расстегнула теплую куртку и, сменив позу, поджала ноги под себя, не отрываясь, смотрела на огонь в печи. Шумно вошел Миша, молча поставил чайник на плиту и опять вышел.

«Так, а что там говорится в славянских сказаниях о волках? – стала вспоминать Арина ранее прочитанные мифы и легенды. – Темная сущность волка, странным образом связанного с луной и морозными ясными ночами. Да, Злата мне сказала, что именно луна и морозная ясная ночь укажет мне правильный путь. Какой-то кошмар. Бред сивой кобылы. Я уже о ней думаю как о человеке, – Арина тяжело вздохнула, не поднимаясь с топчана, сняла с себя куртку и просто накинула ее на плечи. – Так, что я еще знаю: считалось, что волк принадлежит к миру мертвых и ведаёт его секреты. Унылый волчий вой заставлял содрогаться наших предков и считался дурным знаком. Но у нас так же, как и у наших предков, холодеет все внутри от волчьего воя. Так, волк, как следует из мифов, существо двуединое. С одной стороны, он тесно связан с солнечными божествами, мудрый и верный спутник, могущественный прорицатель. С другой – хищный демон, чужой зверь из мира мертвых. Все это можно увидеть в образе оборотня – наполовину человека, наполовину зверя. А может, Злата оборотень? Господи, чушь собачья. Так и свихнуться можно. Расскажи кому, на смех поднимут или примут за сумасшедшую. Но все же я должна додумать дальше... Время волка – середина зимы. Да, Злата мне дала время до рождения новой луны. Что это значит? Скорее всего, кульминация наступит именно в этот период. Хотя... хотелось бы пораньше разобраться с этим делом».

Миша принес охапку дров, шумно бросил их и, аккуратно сложив дрова возле печи, стал раздеваться. Чайник закипел, выпуская из носика струйку пара, крышечка на чайнике стала равномерно подпрыгивать, бросая на красную плиту капельки воды, которые, шипя, перекатывались на плите и быстро испарялись.

– Пододвигайся к столу, будем чай пить, – командовал Михаил, доставая из навесного шкафчика железные кружки, жестяную баночку с чаем, рафинированный сахар. – Слушай, здесь даже баночка меда есть.

В сенях избушки слышались негромкие, но уверенные, твердые шаги. В помещение вместе с густым клубом пара и морозным воздухом, держа в руках ружье, вошел Роман Семенович.

– Здорово, молодежь.

– Здравствуйте, – в голос ответили нежданные гости, хозяйничавшие в избушке лесника.

– А я иду и думаю: кто здесь командует? На прогулку выбирались?

Миша уверенно ответил:

– Да. На лыжах решили пройтись да с горы скатиться. Только Арина упала, даже сознание потеряла. Хорошо, что все обошлось.

– Ясно. Чайком угостите?

Арина подскочила с топчана и переместилась на табуретку возле стола, охотно ответила:

– Конечно. Тем более что хозяин здесь вы, а мы просто обогреться заглянули. Роман Семенович, я права, это же вы в полном порядке дом Андрея Ильича содержите?

– Да, я, – хмыкнув, пояснил лесник, снимая верхнюю одежду. – Мало ли какие путники забредут. Здесь можно отдохнуть, сил набраться и, конечно, чай горячий попить. Адекватным гостям мы всегда рады.

Арина про себя отметила, что Роман Семенович не стал оставлять ружье у двери, а взял его с собой к столу.

«Привычка или опасается чего? Наверное, приходилось сталкиваться с неприятными ситуациями», – подвела она мысленно итог.

– Давайте-ка я сам вам чай заварю. Это не магазинный напиток, травки я сам лично собирал. Поэтому, я думаю, мне они лучше свой аромат отдадут. Тут главное – соблюдать правильную технологию и последовательность приготовления напитка, – Роман Семенович проворно передвигался от шкафа к столу, заваривая в глиняном чайничке свои лесные травки.

Арина вдруг вспомнила первую встречу с лесником у Клавдии Захаровны. Тогда Роман Семенович показался ей угрюмым и неразговорчивым. Она еще тогда подумала о нем: «Да, немногословен. В лесу, с дикой живностью, ему, наверное, комфортнее, чем с людьми».

Арина улыбнулась себе.

«И я оказалась права. Интуиция меня не подвела. В лесу он себя чувствует словно рыба в воде».

Арина с удовольствием выпила две кружки чая. Напиток действительно имел приятный, неповторимый, пряный привкус, бодрил и располагал к беседе.

– Роман Семенович, а что вы думаете об убийстве Григория Суркова?

– А почему я должен думать о его смерти? На этот случай есть родственники, правоохранительные органы, наконец, пусть они и думают.

– Хорошо, – согласилась Арина. – Я по-другому спрошу. Мог ли это убийство совершить Андрей Ильич?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.